

Место эпохи Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. — III в. н.э.) в судьбе китайской нации. (В связи с изданием II тома «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века»)

© 2014

Л. Переломов

Автор статьи, ответственный редактор издания, подробно знакомит читателей с его содержанием. Рассматриваемая эпоха Чжаньго, Цинь и Хань, подчеркивает он, имела судьбоносное значение для становления и развития китайской цивилизации, когда сформировались основные государственные институты, обеспечившие Китаю стабильное развитие в течение тысячелетий вплоть до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: эпоха Чжаньго, Цинь и Хань, легизм, конфуцианство, «сяокан», Цюйфу.

Скажу с самого начала: рассматриваемая в данном томе эпоха имела судьбоносное значение для становления и развития китайской цивилизации. Именно в это время зародились в теории и сформировались на практике ее основные институты, не только придавшие ей жизненную устойчивость, но и обеспечившие Китаю стабильное непрерывное развитие в течение тысячелетий до сегодняшнего дня. Именно эти институты в самые трудные для нации времена (и особенно внешней агрессии, которой страна на протяжении столетий подвергалась неоднократно) помогли ей устоять и даже навязать завоевателям свой способ государственной организации и идеологии.

Очевидно, конкретное развитие китайского этноса в эпоху Чжаньго-Цинь-Хань в определенной степени отражало некоторые общие закономерности этнических процессов на данном этапе истории человеческого общества в целом. Об этом свидетельствует, в частности, значительное сходство путей эволюции общности (*хуася*) и древних эллинов — двух этносов, населявших противоположные оконечности тогдашней ойкумены и не имевших между собой прямых генетических связей (см. Т. II. С. 8–9.).

И тем не менее, сама история показала, что одна из сторон, а именно Рим, был заинтересован в торговых отношениях с Хань. Шелковая нить (Шелковый путь), протянутая от ханьского Китая до Римской империи и пересекающая территории Казахстана, Киргизстана, Туркменистана, Узбекистана и территорию современного Крыма¹, наполняла исторический процесс реальным смыслом живого общения (экономического, политического, культурного) между западной и восточной ойкуменами. Можно сказать, что возник начальный период диалога Востока и Запада, демонстрации друг другу различных моделей обустройства общества и государства, каждая из которых на долгие столетия определила курс развития этих цивилизаций.

В Китае оптимальная для него модель такого обустройства была предложена именно в период Чжаньго-Цинь-Хань. Ее творцами явились *ши* — «книжники» — соци-

альный слой лично свободных интеллектуалов, не обремененных наличием значительной собственности, которые сформировали несколько конкурировавших друг с другом школ — конфуцианцев, легистов, моистов, даосистов, аграрников. Они и занялись построением модели совершенного общественного и государственного обустройства, где были бы в оптимальной форме учтены интересы Власти и Народа.

В сфере длительных дискуссий — «битвы титанов» (легизма и конфуцианства) оказались два концепта, две осевые категории политической культуры Китая: «Народ для Государства» или «Государство для Народа». Оба концепта воплощены на практике. Один — при построении империи Цинь, первого централизованного государства в истории Китая, другой — в период империи Хань. В последней «государственное конфуцианство» делало ставку на «идеального бюрократа», которым считались *шун* (благородные мужи). Именно в эпоху Хань сформировалась культура *шун* (см. Т. II. С. 257–342).

Мне как ответственному редактору II-го тома несказанно повезло, потому что удалось привлечь к работе высоких профессионалов, признанных в России, в Китае и во всем мире.

II том общим объемом 63,5 а.л. состоит из 6-ти частей, поделенных на главы, двух предисловий, заключения и послесловия.

В части I (авторы — Л.С. Переломов, В.М. Майоров) рассматриваются события политической истории эпохи Чжаньго, а также основные течения общественной и философской мысли — конфуцианство (Л.С. Переломов), легизм (Л.С. Переломов), моизм (М.Л. Титаренко), даосизм (А.Г. Алексанян).

Часть II (Л.С. Переломов) посвящена различным аспектам создания, расцвета и падения первой в истории Китая централизованной империи Цинь.

Династия Хань и история Китая этого периода подробно исследуются в части III (В.М. Майоров, В.В. Малявин, М.В. Крюков).

Заключительные части IV, V, VI данного тома посвящены соответственно исследованию этнологических аспектов эволюции древних китайцев и сопредельных с ними этносов (М.В. Крюков, Н.Н. Чебоксаров, Л.С. Переломов, В.В. Малявин), развития материальной и духовной культуры (М.В. Крюков), языка и литературы (М.В. Софронов, И.С. Лисевич, Л.В. Стеженская).

Том снабжен новейшей библиографией работ на русском, китайском, японском и европейских языках, содержащих современные концепции и точки зрения ученых на историю и связанные с нею современные процессы (см. Т. II. С. 651–671).

В своем «Послесловии» к тому я посчитал необходимым протянуть «шелковую нить» от исторического прошлого к событиям XX—XXI вв. В XX в. в критический для страны момент (особенно на этапе завершения «культурной революции») критика высшего руководства Китая со стороны его оппонентов опиралась на тексты главного детища Конфуция — «Лунь юй». В ответ тогдашнее руководство погрузило страну в пучину травли своих политических противников, а заодно и жесткой критики Конфуция и его основного труда. По-существу, была дана как новая трактовка всей эпохи Чжаньго-Цинь-Хань, так и оценка основных исторических персонажей².

Исторический отрезок, посвященный ниспровержению духовной матрицы страны, оставил Китай за пределами конфуцианского культурного региона. В то время, как Сингапур, Япония и Южная Корея благодаря приверженности конфуцианским ценностям успешно развивали свою экономику, Китаю никак не удавалось мобилизовать страну на решение экономических задач.

И только когда Дэн Сяопин повернул государство к, казалось бы, чисто прагматическим целям, провозгласив политику достижения конфуцианского идеала *сяокан*, страна вступила на путь возрождения.

История показала, что независимо от того, строила данная развивающаяся страна капитализм или социализм, она может осуществить задуманное лишь не отрываясь от

корней, в процессе синтеза современного с традиционным, понимая при этом неизбежность трансформации как современного, так и традиционного. Анализ современной государственной доктрины Китая (соблюдение принципов *сяо кан* во всех экономических и политических программах — нынешних и будущих) подтвердил действенность этого закона. Не случайно авторы лозунга «китайской мечты» (*чжунго мэн*), провозглашенного в 2012 г. после XVIII съезда КПК, воплощая традиционную максиму преемственности, подчеркивают, что эта «мечта» «принадлежит прошлому, настоящему и будущему»

В своем докладе «Роль конфуцианства в истории КПК» я выделяю четыре этапа. На последнем этапе происходит соучастие конфуцианства в качестве «мягкой силы» в построении социализма с «китайской спецификой». Реализуя историческую модель «государство для народа», руководство Китая имело в виду конфуцианскую модель «сяо кан»³.

Нынешний руководитель Китая Си Цзиньпин претворяет основную заповедь «Да сюэ» о «порядке с народом». Недавняя поездка в Цюйфу — это начало нового этапа во взаимодействии конфуцианства и КПК. На родине Конфуция Си Цзиньпин привлек внимание к изданию, состоящему из двух книг, связанных между собой общей темой. Первая — «Трактовки конфуцианского учения» (*Жуницы цзя юй тунцзе*) (П., 2014.) под редакцией проф. Ян Чаомина и Сун Лилиня по существу представляет собой энциклопедию, в которой собраны сведения об учениках Конфуция, различные трактовки текстов, основанные на последних археологических находках (годяньские рукописи). Как полагают сами авторы, оказавшиеся в их руках новые материалы значительно расширяют понятийное поле конфуцианского текста.

Вторая книга «Полное толкование Лунь юй» («*Лунь юй цюань цзе*») (П. 2014) принадлежит проф. Ян Чаомину. Тон исследованию задает трактовка начальных строк (Лунь юй. гл. 1.1) источника, в которую автор вводит современное понятие «общество» в отличие от оригинала, где речь идет об индивидууме, т.е. отдельном человеке.

В главе Лунь юй (8.9) Конфуций говорит о взаимоотношениях власти и народа. Это одно из самых лаконичных, а потому сложных для последующих трактовок высказывание привело к появлению большого числа нередко противоположных мнений и суждений⁴. Трактовка автора сводится к следующей последовательности: сначала просветить народ, дабы получить осознанное отношение к предстоящим переменам-реформам, и лишь затем «использовать народ», т.е. подключить его к реальному осуществлению

Си Цзиньпин выразил намерение лично «тщательно изучить обе эти книги», после чего в Китае началось массовое издание обеих работ. Поездка Си Цзиньпина в Цюйфу и издание книг послужило сигналом развертывания идеологической реформы, которую в Китае по значимости ставят рядом с экономической реформой Дэн Сяопина, объявленной им после поездки на Юг⁵.

Таким образом, вывод напрашивается сам собой: если мы хотим знать и понимать, а не просто удивляться стремительному развитию Китая, нам не миновать изучения глубинных истоков его национальной специфики.

-
1. В Национальном музее Крыма хранится пара лаковых шкатулок из редких пород дерева, пришедших сюда по «шелковому пути».
 2. См.: Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
 3. Переломов Л.С. Роль конфуцианства в истории КПК // Международ. науч. конф. «Конфуцианство в России» (Москва 28–29 ноября 2013 г.). М., 2013.
 4. Подробнее см.: Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство (с древности по настоящее время). V в. до н.э. — XXI в. М., 2009. С. 217–224).
 5. URL: <http://www.rwwhw.com./Zdtj/2013-12-02/11629.html>,
<http://culture.people.com.cn/n/2013/1127/c22219-23666312.html>.